

Эллина Римовна Наумова

Разлучница

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4994897
Разлучница: роман: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04204-0

Аннотация

Ася и Саша любили друг друга и свою дочку Дашу. Жили они вполне счастливо, вот только доставалось Асе от Сашиной тетки Киры Петровны. Вечно она была недовольна женой любимого племянника, без устали учила ее уму-разуму – никому не доверять, ни с кем не дружить и думать только о муже, успешном бизнесмене. Но умная, порывистая, талантливая Ася искала свою дорогу в жизни и в творчестве. В этих поисках и противостоянии теткой философии молодая женщина не заметила, как они с мужем отдалились друг от друга, у него появилась другая женщина...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эллина Римовна Наумова

Разлучница

Роман

Часть первая

Разлучница Мотя

Год 1995-й

Эти четверо безусловно были нормальной семьей, в смысле ячейкой общества, ибо никто из них обществу не мешал и не грозил. Милиция, служба труда и занятости, кожно-венерологический, психоневрологический и противотуберкулезный диспансеры, дома престарелых и паперти церковей ничего о них не знали. Коммунальщики не позорили их в списках должников по квартплате, вывешиваемых на всеобщее обозрение в предновогодние дни, соседи числили в культурных людях. А работники сферы услуг даже не пытались им хамить: зачем метать бисер собственной ущербности перед сдержанными и доброжелательными свиньями? И, если вскоре общество в кровь поранится об осколки их маленькой ячейки, виновата перед ним будет лишь годовалая сиамская кошка Мотя. «У нее полное имя Матильда или Матрена?» – спрашивали знакомые, склонные включать животных в свое, а чаще чужое общежитие на равных. Но кличку зверю обеспечила младенческая привычка мотаться по квартире и подкладывать хвост под пятки ее двуногих обитателей в любом месте и во всякое время.

Когда кошка подросла, она полюбила часами спать в тепле, тщательно вылизывать шкурку после разрешенной хозяевам ласки и предупреждать о своем гордом приближении хрипловатым отрывистым мяуканьем. Задатки плебейской суетливости расцвели патрицианским величием. Но переименовывать ее в какую-нибудь Лауру или, что более соответствовало ее происхождению, Принцессу Чу Ю Хсин было уже поздно. Да и зачем людям, которые не стесняются собственных недостатков, лишать себя забавы, окликнув «Мотьяка», удостоиться в ответ царственного движения породистой, неповторимо красивой головы?

Ася где-то читала, что у сиамских кошек слабый генотип. И Таиланд, боясь вырождения прославивших его неженков, скупает их за доллары по всему миру. Тогда она развлекалась, обдумывая при быльную возможность выдворения Моти на ее историческую родину. Ася была зла на кошку. Потом стала еще злее и решила: «Обойдешься без тайландского рая. Будешь мерзнуть под форточкой, а свежие дары моря видеть только во сне». Но Мотьяка столь изощренного наказания не испугалась. Во-первых, она никогда не лежала, не сидела и не стояла на сквозняке. Во-вторых, всему выловленному из воды предпочитала сырую говядину.

– Сама разлучницу в дом внесла, – пожаловалась однажды, когда кошка уже «сделала свое черное дело», Ася дочери.

– А женщина всегда собственноручно разбивает семью, – откликнулась Даша.

– Соперниц имеешь в виду?

– Нет, жен. Мам, я просто подтверждаю твое участие в приносе Мотьки.

– Ну, Дарья! – обиделась Ася. – Кто же мог предположить...

– Ну, мамочка, – легко покаялась Даша, – наши с тобой близкие отношения повелись с ношения тобой меня во чреве...

– Замолчи, болтушка, – струсила Ася. – Ты сейчас заведешься на три часа, да еще чаепитие устроишь, а у меня много дел.

– Ладно, забираю раздражающую тебя Мотю и отправляюсь к раздражающей тебя Кире. Она пенсионерка, все выдержит, даже чаепитие со мной.

– Не изводи ее трескотней, – радостно напутствовала Ася.

– Поскольку люди чаще замечают, что на них сердятся, довожу до сведения: я уже дважды НЕ рассердилась на тебя за пренебрежение моей доверительной беседой.

– Дашка, – взмолилась мать, – мы с тобой беседуем тринадцать лет. Я и сама поговорить горазда, но ты...

– Гены, – вздохнула Даша, после чего громко хлопнула дверью в комнату Киры Петровны.

У этих людей существовала проблема последнего, а не первого слова.

Наверное, пора представить тех, кто вот-вот разбредется на все четыре стороны и невесть что вытворит на просторах человеческого общения. К примеру, повадится с расстройства оттаптывать в транспорте чужие ноги, отважится на муже– или женокрадство, примется капризничать в магазинах или скандалить в прачечных. Стоит ли напоминать об опасности для окружающих тринадцатилетней девочки и нервной старухи из неполной семьи? С кого начать? По старшинству, с Киры Петровны? Или, из ставших нынче основными, экономических соображений с кормильца Саши? Или с зачинщицы бунта, Сашиной жены Аси? Или с их дочери Даши, у которой все впереди, включая неприятности?

Нет, все-таки не в деньгах дело. В словах. «В нашем доме стало холодно летом. Но вместо того, чтобы прижаться друг к другу и рассказывать анекдоты, как бывало, каждый укутывается в свой плед и забивается в угол, чтобы там оскорбленно молчать. Что происходит?» Сказала это Кира Петровна, претендуя на мудрое понимание ситуации и богатство лексикона. За неделю до развода Аси и Саши.

– Дашка проболталась, цитата явно из ее выступления, – не поверили в проницательность Киры Петровны муж и жена. Но решились наконец объясниться.

Кира Петровна, рано овдовевшая Сашина тетка, была высокой старухой с туловищем в виде правильного прямоугольника и характером военнотруженика: скажи «Есть» старшему по званию крестину и для поддержания душевного равновесия распеки младшего умника. «Лучше иметь жену проститутку, чем тетку ефрейтора», – выстраданно уверял Саша.

У Киры Петровны были прекрасные густые волосы, которые она подкалывала обломками гребенок. И тешила своей единственной привлекательной внешней чертой. «Своевольничают, – кокетничала Кира Петровна, поправляя перед зеркалом жесткие, но идеально укладываемые безо всякой завивки в любую прическу пряди. – Так, не спросив разрешения, посидели в лучшие годы моей жизни, а потом отказались впитывать даже специальную краску». Когда последняя гребенка сломалась, в продаже этих выпукло-вогнутых расчесок давным-давно не было. И Даша отдала Кире Петровне свой чуть потертый бархатный ободок, расшитый полуоблезлыми бусинами, каждая из которых одним целым боком наивно врал, будто она – жемчужина. Купленную специально для нее новую вещь Кира Петровна от внучатой племянницы не приняла бы ни за что: на подарки, по ее убеждению, надлежало тратить лишь собственноручно заработанные, а не родительские деньги.

– Не наденет, – засомневалась Ася.

Она творчески исполняла приказ Киры Петровны достать гребенку хоть из-под земли, обзванивая знакомых и выясняя, не завалился ли после умершей старой родственницы сей предмет в тумбочке на даче. Иного места для него Ася придумать не смогла.

– Ты не знаешь Киру, – самоуверенно заявила Даша.

Через пару минут Кира Петровна вышла из своей комнаты, приняла возле Аси позу ожидания комплиментов, дождалась их и скомандовала отбой. Бархатный валик облагородил крупные грубые черты ее угловатого лица и после гребенок смотрелся на ней короной.

Кира Петровна была старшей сестрой Сашиного отца. Мать умерла, когда парень кончал третий курс архитектурного института. И отец неприлично скоро женился на молодой даме с восьмилетней дочерью. Через полгода он приехал на поклон к сестре:

– Кира, приюти Сашку, умоляю. Скандалы надоели, он через слово вслух обзывает супругу дурой.

– Умная не пошла бы за такого обалдую, как ты, – обрадовалась поводу высказать свое неспрошенное вовремя мнение Кира Петровна.

Брат не стал спорить с потенциальной благодетельницей – уж очень хотелось пристроить Сашу, собравшегося в общежитие. Кира Петровна, становившаяся невыносимо бестактной с просителями, кем бы они ни были, отработала программу упреков полностью, отерла с морщинистого чела едкие капли «спутника честных усилий», как называла пот, и разрешила племяннику явиться с вещами. У нее был сын, покинувший дом еще мальчишкой, наделавший глупостей, затем преуспевший и давший Кире Петровне множество поводов для горького вывода: «Матери нужны только нищим сыновьям. Богатые блудные не возвращаются».

Саша не заставил отца себя упрасивать и перебрался к тетке в тот же вечер.

– Торопливо выполнено, – оценила она скорость разборки его небольшой сумки.

– Я порывист, не скрою. Зато ты основательна. Поладим.

– Скажи уж, дожился с мачехой.

– Говорю: дожился.

– Ну, идем ужинать.

Обещание поладить с Кирой Петровной легче было дать, чем исполнить. Вскоре племянник мысленно характеризовал тетку: одинокая путешественница к Северному полюсу – всегда сквозь метель на лыжах с рюкзаком нравоучений за плечами. Жизнеощущение Киры Петровны действительно было зимним. Когда она силилась поведать о чем-то личном, собеседнику чудилось бесконечное повторение слов «мороз», «ледяной встречный ветер» и «колкий снег». Внутренне Кира Петровна не ведала лета, лишь слышала от не очень-то уважаемых ею личностей о его блаженстве. Она была мучима выюгами собственного рока, ей нужно было выжить назло полуголым купальщикам в прогретой речке удачи.

Как и следовало ожидать от живущего всем назло человека, Кира Петровна сшила себе зипун праведности и мученичества. Правой лыжей ей служило неверие речам любой вдохновенности и красоты, левой – вера в то, что она заслужила глубокое почтение всякого, кто узнает о перенесенных ею страданиях. Кира Петровна претендовала не на любовь, которую презрительно именovala «мечты и словеса», но именно на почтение как нечто более серьезное, действенное и полезное.

Да, она всегда была бедна, маялась с пьющим мужем, тосковала по сыну. Она за сорок лет ни разу не опоздала на работу, не ушла с нее ни на минуту раньше, не взяла ни одного больничного. Она ни с кем никогда не поссорилась, слыла хлебосольной хозяйкой, образцовой чистулей и скромницей. Но этот потрясающий набор добродетелей скреплялся не радостью, а страхом индивидуалистки перед объединенными в коллектив людьми. Деревенское нищее происхождение, убежденность в том, что неимущие безграмотные людишки – дрянь, а богатые и ученые еще хуже, пережитая война, свойственная большинству баб ее поколения, перебравшихся в город, привычка годами спотыкаться на фразе «я – женщина», казалось, должны были привести ее в этот самый коллектив и сделать его родным, любимым, необходимым. Но ей что-то мешало, отвлекало, блестя на дне сознательно задрапированной серым души. Распознать «светлячка» издали племянник не мог, а лезть себе в душу тетка

никому не позволяла. Впрочем, никто и не хотел, включая Сашу. Лишь однажды, подвыпив в студенческой компании, он торжественно признался:

– Тетя Кира, я безмерно уважаю твой потенциал.

– Что ты несешь? – насупилась тогда уже старуха.

– Чудесно сказано! – воодушевился Саша. – Ты намекаешь, что мои выражения нагружены смыслом. Они не порхают бесплотно, нет, их приходится нести, шатаясь...

– Шатаешься-то ты от водки, – перебила его Кира Петровна.

– От шампанского, тетушка, от шампанского, – уточнил Саша.

– А я очень люблю пиво, – вдруг мечтательно проговорила Кира Петровна. Но мгновенно обрела форму: – Люблю. Но не пью. Знаешь, сколько старух спивается?

– Вернемся к потенциалу, – не пал жертвой мягкой антиалкогольной пропаганды Саша. – Если бы ты поменьше задумывалась, что скажут о тебе люди, не боялась их, ты такого в своей жизни наворотила бы! Ты способна на подвиги, правда?

– Правда, – сказала Кира Петровна. – Я видела, как твои люди изничтожают таких способных. Чем эти способнее, тем те безжалостнее и скорее на расправу.

– Ты про культ личности и репрессии? – вскинулся Саша, которому не давало покоя, что тетка – живой свидетель описываемых в каждой перестроечной газете событий.

Тогда чуть ли не модным стало иметь родственника, пострадавшего от коммунистов. Но Кира Петровна упорно твердила: ничего такого она не знала, а народ Сталина боготворил. «Пуганая, не верит, что болтать уже не опасно», – решил племянник. Только обидно было, что тетка и ему не доверяла. Она твердила: «Я никому не доверяю». Но какой же нормальный человек, а Саша безусловно был таковым, отнесет самого себя к категории «никто»? Оперирова философскими понятиями, Кира Петровна была тем не менее заядлой материалисткой, и ее «приземленность» смущала племянника. Вот и тогда она завела свое:

– Я про жизнь. Кто начальнику слово поперек, кто про заведующую лишнее сослуживце, кто с чужим мужем в кровать, а результат один – сплетни, доносы, сживание со свету, увольнение. И начинай все сызнова.

– Тетя Кира, тетя Кира, может, это особый дар судьбы? Может, это прекрасно – сызнова?

– Тяжело это. Тебе не понять. Только врут, что за одного битого двух небитых дают. Битый по-настоящему ни на что уже не способен.

– Вопросец у меня. Где дают, кто дает и зачем?

– Пошел спать, пьяница.

– С удовольствием, – честно признался Саша.

С тех пор он не заводил с теткой отвлеченных от их нехитрого быта, сводок новостей и прогнозов погоды разговоров. Дома Саша бывал мало. Он рано начал подрабатывать и сообразил не извещать об этом Киру Петровну, но отдавать ей стипендию до последней копейки. Она заметно подобрела, и сосуществовали они дружно.

Саша не догадывался, что в любом случае был обречен на комфортное житье-бытье у тетки. По половому признаку. Кира Петровна родилась и выросла в деревне, где понятия «мужик» и «не надрываться» спаяны в бабском сознании прочнее, чем «мужик» и «любить». Кира Петровна пробедовала войну одна, а потом в городе небольшая зарплата фронтовика мужа всегда оказывалась раза в два больше, чем у нее. Не потому что фронтовик. Потому что мужик. Мужчин Кира Петровна считала отдельным биологическим видом, гораздо более совершенным, чем вид женщин. Как-то она призналась Саше, что желала бы родиться мужиком. Племянник было заподозрил гормональные нелады в теткин организме и взгрустнул по поводу сонма мучеников, не доживших до времен операций изменения пола. Но Кира Петровна сухо отвергла его осторожно-шутливый намек на реальность осуществления мечты:

– Силе вашей я завидую. Эх, мне бы такую силушку, я пахала бы не разгибаясь с расвета до полуночи.

– Да ты и так не отдыхаешь, – возразил племянник.

– А устаю до смерти. Потом, кухню я ненавижу, уборку. На работе хоть бумажки в аккуратную стопочку сложишь, уже хорошая, почет тебе и уважение. А домашний труд невидный и неблагодарный.

– Но, тетя Кира, так удавиться можно, – потерял способность шутить Саша. – На службе тоска из-за людской готовности сделать пакость, дома – из-за непереносимости возни со сковородкой. И день за днем, год за годом все та же твоя почта с квитанциями и все та же квартира с запахом жареной картошки.

– Прожила же. Каждый так живет.

– Нет, не каждый, – взорвался Саша.

– Ну, разве что лентяи и неряхи, – подумав, допустила Кира Петровна.

Саша, как обычно, не стал развивать тему ни в противном, ни в любезном тетке направлении. Но еще долго нервничал под ее хмурым взглядом. Ему казалось, что, догадайся она о его быстрой утомляемости, нежелании тратиться на бестолковую, нудную деятельность, склонности к истерике при неудачах и неумении отремонтировать утюг, начнет презирать и ненавидеть.

Но однажды утюг все-таки перегорел, кран потек и, по уверениям хозяйки, запахло газом при выключенной плите. Саша продержался дней пять, отказываясь это замечать. Потом пришлось повиниться перед Кирой Петровной в отсутствии качеств мастерового. Кира Петровна старалась скрыть разочарование, но даже паузы между ее скучными словами щедро наполнились укором. Саша избрал правильную тактику – не оправдывался. И наконец был пощажен.

– Ладно, что с тебя взять при твоём отце-недотепе. Мой муж всему обучил бы мальчишку. И мне, дуре, предлагал: «Смотри, Кира, вникай, запоминай. Умру я, кто тебе сломанное починит, кто гвоздь вобьет?»

Саше такое отношение дяди к жене показалось, мягко говоря, странным. Он, конечно, верил: женщины добывают уголь, водят поезда и летают в космос. Но, начитавшись популяризаторских выжимок из беспощадной литературы по генетике, он сомневался, женщины ли они. Теперь Кира Петровна засомневалась, мужчина ли он, и Саша приуныл до позднего вечера.

Когда неумное в ненавистной домашней работе тело тетки все-таки запросило покоя, он с отверткой наперевес бросился на проклятый утюг. После мрачного созерцания нехитрых внутренностей монстра, отказавшегося питаться электрическим током, Саша вынужден был кое-как собрать его.

Утром он сообщил тетке, что мужчина – это не профессия. Затем вызвал по телефону слесаря и газовщика. Оставил для них деньги и бутылку водки. Пока Кира Петровна опоминлась от новых для нее проявлений мужественности, Саша решительно завернул в газету дребезжащий чем-то непривинченным утюг, пообещал показать его крупному специалисту, а по дороге в институт выбросил сверток и купил импортное приспособление для глажки с паром. Вернулся он в надежде, что тетка хоть немного смягчилась, но встречен был ласково, почти подобострастно. Кира Петровна влюбилась в роль имущей хозяйки настолько, что, щедро расплатившись с профессионалами купюрами, остаканив их и выпроводив, первый раз в жизни вздремнула днем. А пробудившись, приготовила Саше блинчики с мясом. После ужина он преподнес ей утюг, которым Кира Петровна и не подумала любоваться или забавляться. Она сосредоточенно выслушала указания племянника, недоверчиво покачала головой и принялась изучать инструкцию по применению. А он был изумлен ее расточительностью. Чтобы эта прижимистая старуха мастерам и денег дала, и водки налила?

Тогда Саша понял, что женщине нельзя давать сразу много денег даже подержать. Ибо она мгновенно роднится с разноцветными бумажками и выпускает потом из рук тяжело и обидчиво, уверенная в том, что именно их ей теперь не хватит для полного счастья, именуемого мужчинами бездарными тратами. То есть тетке-то становиться мотовкой было поздно. Но, если уж она восприняла выданные сверх обычного рубли как чужие, которых не жалко, то что говорить о более молодых, легкомысленных и расточительных. И Саша передумал увеличивать свой ежемесячный взнос «на питание» из приработков, продолжал отдавать лишь стипендию, но стал время от времени баловать тетку деликатесами, мелочами для ванной и кухни, индийским постельным бельем, которое она любила за веселую узорчатость. Он уже не верил Кире Петровне, когда та просила его не покупать ей ничего к праздникам и дням рождения, призывая беречь и копить деньги, «не переводить добро на старуху». Наоборот, Саша старался одарить тетку посolidнее и скоро стал ею обожать, хотя жили они по-прежнему скромно.

Именно на тонированное терпимостью, порой смахивающей на равнодушие, стекло их идиллических отношений студенту Саше и предстояло как-то взгромоздить гирю сообщения о женитьбе. Но тетка лишь мельком взглянула на сию тяжесть и сдула ее фразой:

– Давно пора. Мне уже самой по хозяйству управляться трудно.

Не слишком уверенный в том, что его избранница знакома с предложенным ей теткой делом, Саша тем не менее был доволен мирным концом переговоров. О том, что, согласившись, Кира Петровна признала его разновидностью мужчины, он догадался позже. Как и о том, что в своем главенстве над его юной женой она не сомневалась.

Ася волею судеб была приговорена оказаться на пару лет моложе Саши, учиться в том же архитектурном институте и обладать рядом достоинств, которых ее будущий муж в себе не обнаруживал, как ни старался. Полагая, что вместе с женой он приобретет в личную собственность, ну, хотя бы в личное пользование на правах долгосрочной аренды привлекавшие его черты характера, Саша боролся за Асю с немалым числом соперников. Причем далеко не всегда это были битвы нахальных юношеских интеллектов. Чаше приходилось, изображая постоянную, как температура здорового живого тела, готовность, откликаться на классический призыв: «Выйдем, разговор есть». И на неопрятной лестничной площадке молча объясняться с себе подобными языком угрожающих жестов. До мордобоя доходило редко, в основном по пьяни, и парни возвращались в компанию действительно с полным ощущением неприятной откровенной беседы.

Ася была очаровательна не в нынешнем смысле терпимого уродства, а в буквальном: чудилось, что она тянет к себе, не касаясь руками, что на тебя тратятся колдовские силы. Не один Саша воображал, будто в полумраке какой-то таинственной старинной комнаты его карта в гадании выпала рядом с ее картой, и неверный пламенный взгляд свечи увидел в этом соседстве нечто... На самом же деле Ася вслушивалась в любой бред юноши и всматривалась в него из любопытства, из причуды изучать жизнь по живым учебникам. А разницу между слушать и вслушиваться, смотреть и всматриваться ощущали все, кроме нее самой.

Еще в Асе сочеталось несочетаемое: какая-то смущающая благовоспитанность с умением лихо послать на три буквы, идеально прямая спина в ресторане с расслабленными, уютными позами за покрытым газетой общежитским столом, модная шляпка на голове в институте с деревенской шалью при выходе в магазин за хлебом. В сущности, она только тем и занималась, что опровергала любые устойчивые представления о себе. Тогда это казалось мудростью не по возрасту, разносторонностью от загадочного раннего опыта. А в действительности было признаком неопытности. Ася одновременно искала и людей, и себя. Эти-то поиски и будоражили воображение однозначно настроенных на секс юнцов. Ася осознавала собственную незаконченность, в которой стиль есть отсутствие стиля, то как комедию, то

как трагедию. Периоды самоуверенности и самобичевания накладывались краями, образуя на легком и открытом от природы ее нраве швы растерянности. На каждую хвalebную песнь о себе она отвечала обещанием вскоре разочаровать горластого Орфея, но не всегда выполняла обещания.

Скромность в ней, бесспорно, была, а вот робости и стеснительности не водилось. Ася полагала, что слова «люди» и «жизнь» синонимы. Она стояла на том, что все события, обстоятельства, причины, следствия есть только результат контактов человека с человеком. Что люди равны в способности вольно или невольно, явно или тайно влиять на происходящее с другими. На практике это осуществлялось потрясающе для малообщительного Саши: Ася не боялась должностей, званий и завышенных самооценок, кого угодно. При необходимости что-нибудь выяснить она смело подходила хоть к черту лысому и была с ним вежлива, серьезна и въедлива. Иногда от нее пытались отделаться, грубили в лицо, но Ася снисходительно улыбалась и начинала сначала. Она не суежилась, избегала восторженной или печальной дурашливости и всегда в итоге добивалась своего.

– Ты совсем на них не обижаешься? – содрогался чувствительный к неприязни Саша.

– Немного, я ведь живая и гордая, – безмятежно признавалась Ася. – Но переделать людей мне не под силу, переделать себя я им не позволю из взаимной вредности, так что будем по-спортивному драться каждый за свое, и, если повезет, это может запросто оказаться общим благом.

Такую девочку Саша привел в дом Киры Петровны.

Молодой муж закончил учебу и работал в архитектурном управлении. Жена сдавала зачеты и экзамены, удачно, в длительные летние каникулы, родила Дашу, затем три года беспроблемно трудилась в проектной мастерской. И вдруг зловеще полыхнули синие – цвет дьявольщины – молнии Асиной натуры. Саша удивился тогда, что Кира Петровна ждала этого в готовности номер один, стоя на своих лыжах под зонтом скепсиса. Наверное, она сразу восприняла Асю как чудовищный каприз природы, январскую грозу с ливнем, а предположить наступление весны отказалась бы наотрез.

Дело в том, что с первого дня проживания под одной крышей у Киры Петровны не находилось претензий к Асе. А ужаснее этого для старухи и придумать ничего было нельзя. Кира Петровна, вознамерившаяся учить глупышку уму-разуму, столкнулась с особой, у которой ей самой было бы не грех что-нибудь перенять. Забитая политическим строем и нището-индивидуалистка наконец-то встретила с человеком, позволявшим себе индивидуальность. Нет, не просто с человеком, с женщиной! И такую безумную смелость проявила не ее начальница, не опасная наушница и доносица с почты, не наглая дворовая сплетница со стажем, у которой уже пенсия заработана и квартира есть, но девчонка. Точнее, авантюристка, какие толпами шляются по улицам, кормятся и одеваются на родительские шиши, несут всякий вздор, а потом, наделав глупостей, рыдают на плечах умных старух. И либо, вняв нравоучениям, становятся пугливо-послушными, либо, не вняв, спиваются и идут по рукам. С точки зрения Киры Петровны, Асю ждал, но по нелепой случайности пока не дождался, второй вариант житухи. Впрочем, последнюю надежду приверженица народной мудрости, то есть в данном случае векового цинизма приспособленчества, не теряла никогда и утешала себя нытьем: «Жаль, что меня уже не будет на свете, когда эта девица плохо кончит».

Поначалу Ася Киру Петровну лишь насторожила. Домашние дела она вершила весело и быстро. Самозабвенно любила наводить чистоту, причем обязательно при этом что-то меняла: шторы лентами подвязывала, безделушки переставляла и так далее. По мнению старухи, это было явным отклонением от женской нормы. Где это видано, чтобы крест тащили хохоча и напевая? Готовила Ася по кулинарной книге, постоянно увязая в импровизациях. Кира Петровна, верхом сложности считавшая блинчики с начинкой, не могла уразуметь,

зачем расходовать время, силы и лишние деньги на такую ерунду, как пища. Ей, наголодавшейся в детстве, юности, молодости и зрелости, забота о вкусе еды представлялась излишней. Подать бы на стол горячее и вовремя. Правда, уплетала она Асину стряпню за обе свои худые обвислые щеки. Только просить добавки считала ниже человеческого достоинства. Но это еще не все. Ася сервировала стол к каждой трапезе. Кира Петровна уговаривала ее беречь хорошую посуду, высмеивала ножи и бокалы для сока, но только зря напрягала терявшие эластичность голосовые связки.

– Кто вас, горожан, разберет, – плаксиво сказала она однажды.

– Тетушка, вы в городе больше полувека. Неужели до сих пор не привыкли? – изумилась Ася.

– Нет, – разоткровенничалась Кира Петровна. – Я думаю, родился деревенским, и помрешь таким, как ни выпендривайся. А городской и в деревне до смерти чужак.

– Понимаю, – рьяно кивнула начитанная Ася.

– Да что ты можешь понимать про деревню! – рассердилась Кира Петровна, которая Асину понятливость и ненавидела больше всего.

Книги она признавала источником абстрактных знаний, которые требовали истолкований и комментариев поживших гуру. И ненавидела разномастные томики за то, что занимали место в квартире и собирали пыль. Мысли старухи были просты, но сам процесс их возникновения Кира Петровна считала чуть ли не трудом. А то и подвигом. Ася же пользовалась плодами ее трудов с бесстыдной легкостью. Нет, Кира Петровна предпочла бы для Саши молодуху потупее, потяжелее задом, которой надо долго вдалбливать очевидное, тормозя на поворотах неожиданных деталей и закрепляя пройденное многократным повторением. Но Асе мелочи не были нужны. После первой фразы Киры Петровны ей бы только начинать расспрашивать, проникаться, а она, ветреная, уже все поняла. Кира Петровна раздраженно утверждала, что с Асей невозможно разговаривать. Насколько интересны Асе ее беседы, Кира Петровна не задумывалась.

Но надо признаться, жить при реактивной Асе ей стало гораздо спокойнее. Понежившись в безделье, она даже соизволила испугаться, что может опостылеть молодым за ненадобностью, и положила себе за правило мыть посуду. С рождением Даши Кира Петровна вновь обрела хозяйские замашки. Она была добросовестной няней – Асе не пришлось прерывать учебу. Но уж в ворчанье и раздаче приказов Кира Петровна измученную душеньку отвела.

– Все набиваете себе цену? – спросила как-то Ася. – Поверьте, мы и сами очень, очень благодарны вам за помощь.

– Молодежь на благодарность не способна, – плеснула мертвой водицы в неуклюжий, но живой порыв Кира Петровна.

Плеснула и, естественно, потушила. А ведь думала, что керосином балуется.

Как бы там ни было, но домашняя тиранка признавала, что Ася ее не обижает, с хозяйством справляется играючи, что мать она не ленивая, хоть и балует дочку до старухиногo ужаса, и с мужем ладит умело, то есть перекуковывает дневную кукушку тетку без натуги. И вообще, если войны, голода и разрухи нет, если Саша зарабатывает много, значит, Ася благоденствует. И без вины виноватая завистница проклинала давний тяжкий год своего рождения и уговаривала саму себя «радоваться обеспеченности хоть на старости лет». Однако не получалось. «Надо научить Аську жить с людьми и больше о ней не беспокоиться», – шептала Кира Петровна, глядя в окно в своей комнате.

Все было так несложно, так проверено собственной морщинистой шкурой и подтверждено примерами страданий отступников от норм порядка, что отказ Аси следовать бесплатным советам оскорбил Киру Петровну до первой в ее жизни истерики. И ладно бы эта идиотка не желала слушать: Кира Петровна дозуделась бы, достучалась, докричалась, добилась

внимания. Ладно бы эта перспективная неудачница спорила: Кире Петровне только интереснее стало бы ее умирять. Но она молча поступала наперекор. Словно задалась целью убедить Киру Петровну в неправоте, уличить во лжи, да просто растоптать высокими каблуками годы кроткого терпения в пыль бестолковых секунд и пустить по ветру новшеств. А Кира Петровна наверняка знала, что человеческая природа неизменна, что скорее кровные братья и сестры впадут в лютую вражду, чем посторонние люди вознесутся к родству. Поменьше знакомств, никаких дружб, ни звука откровений про себя и других, говорить и делать только то, что одобряется большинством, никому не доверять, включая мужа и ребенка, никогда ни на что не жаловаться, не показываться гостям в домашней одежде, не пускать в дом и ближайших родственников, если не прибрано, не присоединяться ни к одной из враждующих сторон, ибо сегодняшний победитель может проиграть завтра, не хвастаться успехами, но и неудачи скрывать... Любой здравомыслящий человек коленопреклоненно благодарил бы Киру Петровну за такую науку. Ведь чужие нороят надоумить, как пропасть окончательно, да еще и смеются над пропащим по их милости. Кира Петровна хотела помочь Асе выжить в жестоком мире. Но что вытворяла эта сумасшедшая!

Если она не была знакома с половиной города, значит, ухитрялась водиться с тремя четвертями его жителей. Если она не разболтала о себе все своим так называемым друзьям, значит, присовокупила и то, чего не было, но, логически рассуждая, могло с дурой случиться. Если она не лезла защищать справедливость в какую-нибудь свару, значит, ее туда уже не пустили ни обиженные, ни обидчики. Люди приходили к ней постоянно, сама она всегда к кому-нибудь спешила и была темой сплетен для каждой пары собеседников, которым надоело хаять погоду. Естественно, ее часто обманывали и предавали. А что с ней еще делать? Она с кем-то воевала, с кем-то мирилась, в стадии выяснения отношений у нее бывало по пять контактов в день. Любой псих мог позвонить ей в час ночи, чтобы сообщить то, о чем сам забудет утром. Всякая шизофреничка храбро заходила в пять утра на чашечку кофе. Да и сама Ася, затосковав в полночь, не раздумывая, отправлялась к соседке потрепаться.

Случалось, Кира Петровна торжествовала, застав ее рыдающим эпицентром очередного скандала, выслушивала бред о вероломстве близкой души и предвкушала скорое гипсование сломанной натуры. Но стоило пригвоздить мокроносную Асю: «Я тебя предупреждала» – и пуститься в воспоминания о распавшейся в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году при подобных обстоятельствах компании, как та начинала брыкаться, объявляя случившееся полезной гимнастикой ума. Она смела употреблять слова «внутренний массаж посредством чередования горя и радости»!

Кира Петровна отказалась оставаться с Дашей, когда Ася отправлялась бесцельно мотаться по улицам. Ася стала брать дочь с собой. Кира Петровна пригрозила пожаловаться Саше. Ася, которая обычно старалась не утомлять мужа эксцентрикой и клоунадой, немедленно отчиталась перед ним в своих последних выходках. О, она умерла бы без того, от чего умерла бы Кира Петровна. Старуха гордилась тем, что ей нечего стыдиться. Ася будто испытывала потребность в стыде, просьбах о прощении, детальном разборе собственного душевного состояния, предшествовавшего какой-нибудь обидной для окружающих проделке. Кира Петровна радовалась, что никогда не была брошена и оклеветана. Ася без отчаяния по этому поводу чахла. Кира Петровна благословляла себя за то, что ни разу не сняла со своей «правды о людях» густой вуали. Ася же оголяла это интимнейшее место характера без колебаний. И разве ее за это любили? Нет, потешались все кому не лень. Ну, если уродилась треплом, так хоть болтай стандартно. Любое печатное слово Ася воспринимала как личный разговор с собой и пересказывала его другим в соответствующих выражениях. А огорошенные собеседники терялись – врет или действительно водит дружбу со знаменитостями.

Но и эта путаница не была Асиным пределом. Умница Иванов или подлец Петров, на которых она ссылалась в споре, мог оказаться фермером с Орловщины, инженером из Воро-

нежа или героем романа полузабытого писателя. Просто Асенька изволила читать, смотреть телевизор, плутать в Интернете и опять же воображать, что познакомилась и побеседовала со всеми упомянутыми и возникшими на экране и мониторе. С иностранными именами и фамилиями творилось что-то невообразимое. Создавалось впечатление, будто Ася объехала полмира, на множестве наречий общаясь с тьмой народа, интересуясь всем подряд. И, получая рецепт торта, «верного» средства от боли или обезболивающего компресса, обязательно нужно было быть готовым к ссылке на какого-нибудь Федю или Фреда, поделившегося с Асей опытом.

– Не путай нас фамилиями, говори от себя, как все. Почерпнула информацию – она твоя, – просили Асю.

– Мне есть о чем сообщить вам от первого лица, – уверяла она в ответ. – А что не мною придумано, то не мое. Вам понравилось бы, припиши я себе ваши слова, особенно остроумные?

Ясно, что для Киры Петровны общение с Асей было пыткой. Недоверчивая, признающая авторитеты современников мастеровых, преуспевших в серьезных делах, к коим искусство не относилось, старуха воспринимала Асины ссылки на беззастенчиво отлынивающих от настоящего труда актеров, литераторов, художников и прочей творческой шушеры, а также на давно умерших и, следовательно, ничего не смыслящих в современных обстоятельствах «человечков» как издевательство. К покойным Кира Петровна вообще относилась странно: смерть она считала разновидностью отвратительного антиобщественного поступка, этаким дезертирством, и совершивших его людей переставала уважать сразу по прочтении некролога.

– По-вашему, и Христос устарел? – кипятилась Ася.

– Да апостолы в толк не могли взять, что Он говорил им в уши, а ты будто умнее их, – парировала Кира Петровна. – Одно знаю: сволочами люди были до Него, сволочами остались на веки вечные. Все под себя гребут.

– То есть большинство выбрасывает руки вперед и гонит воду к себе, меньшинство разводит ее в стороны от себя, но и те и другие плывут, – задумчиво итожила Ася.

– Ну при чем тут плавание? – вопила Кира Петровна. – Ты по-человечески можешь разговаривать?

– В смысле, чисто конкретно? – смеялась Ася.

Старухе было не до смеха. Конечно, они ссорились.

Саша, который рано уходил из дома, поздно возвращался и был заботливо избавлен в выходные от нашествий и набегов гостей непоколебимым Асиным табу, мало знал о развлечениях жены. Только потрясающая непоседливость, отменное здоровье, сосредоточенная быстрота размышлений и действий да еще использование всех видов связи на полную катушку позволяли Асе справляться с хозяйством, растить дочь, работать на полставки и выживать в лавине общения. Но иногда случались накладки. К примеру, муж возвращался из командировки на пару часов раньше. И тогда, сидя в гостиной с певцом, бухгалтером, токарем и учителем, Саша недоуменно вслушивался в обсуждение закономерностей смены человеческих настроений и, презрев дикость темы, вынужден был отметить эрудированность собравшихся. Ему даже неловко становилось, когда токарь цитировал греческих философов. Ну, духи бесплотные, исключившие себя из суеты, отказавшиеся участвовать в карьерной гонке, собрались за его, то есть Киры Петровны, столом. Саша перебарывал в себе зудящее ощущение неполноценности мысленными клятвами выкроить время для книг не только по специальности. Он с опаской смотрел на резвившуюся в беседе Асю и вспоминал чеховского доктора Дымова с симпатией и состраданием. Но неизбежно наступала пора облегчения мук, когда мужчины принимались выяснять, кто, кому, чем и когда может оказаться про-

фессионально полезен, а женщины все чаще шептались про кого-то: «Он был законченным мерзавцем» – и начинали рассеянно улыбаться присутствующим.

– И давно ты хозяйничаешь в полусветском салоне? – любопытствовал Саша, проглотив гораздо более точное определение Асиной разношерстной компании.

– Какой там полусвет, – улыбнулась Ася. – Мир, Сашенька, понимаешь, мир! Во всем многообразии! Я отдаю себе отчет в том, что половина из них – проходимцы. Я только ничего не могу с собой поделать. Увлекательно же сравнивать их трезвые рассуждения с хмельными, наблюдать, что они открыто разглядывают, что втихаря, как реагируют друг на друга. Наверное, я скоро насмотрюсь и наслушаюсь, потерпи. Пора исканий.

– Желаю найти что-нибудь полезное, – усмехнулся Саша.

А Кира Петровна, не вынеся этой бредятины, крикнула из кухни:

– Прекрати их угощать, Ася! И завтра же некому будет здесь умничать.

– Грубо, но похоже на правду, – очень тихо сказал Саша.

Мог бы и громче. Но вспомнил, что подрядил токаря выточить кое-какие детали для экспериментальной установки своего приятеля-инженера, договорился с певцом о частных уроках дочке сослуживицы, продиктовал учителю телефон друга, от сына которого сбежал очередной репетитор, и получил у бухгалтера толковую консультацию по налогам.

* * *

Другое столкновение с Асиным образом жизни стало для Саши еще более обескураживающим. Молодая и, надо отдать природе должное, красивая девушка по имени Дина месяц жила с ними на даче. Ася объяснила, что эта милашка – бездомная выпускница композиторского факультета консерватории, что они знакомы уже года три, что у нее спилась кошка и что она талантлива. Саша счел рекомендацию достаточной, признал, что с Асей не соскучишься, только о кошачьем недуге попросил рассказать поподробнее. Оказалось, что Дина подобрала полосатую помоечницу, пожелавшую впоследствии откликаться только на зов «Кисуня», лютной зимой. Все остальные куда-то попрятались, а эта сидела ночью возле мусорного бака и, по уверениям Дины, стучала зубами и дрожала. Девушка приволокла невезучую кошку в общежитие, где сама нелегально проживала на полу у батареи. Тогда по приказу ректора троечники лишались койки и стипендии одновременно, а Дина лишь слегка удовлетворила своим ответом на экзамене преподавателя истории. На кусок хлеба она зарабатывала сбором по скверам, мытьем и сдачей пустых бутылок. Между сбором и мытьем неизбежно проходило некоторое время, за которое Кисуня успевала нализаться остатков спиртного, привычно и ловко опрокинув лапой сосуд и жадно припав к горлышку. Потом она пять минут носилась по комнате и орала, три – царапалась, одну – кусалась и наконец засыпала на сутки сном праведницы. Лишь в течку она отказывалась от пагубной привычки, вероятно не одобряемой котами. Развеселившийся Саша согласился приютить и кошку, заявив, что поощрять ее порок не намерен.

Через неделю Кисуня исчезла с дачи и уже после отъезда Дины была обнаружена у соседа – горчайшего пьяницы. Тот в вычурных матерных выражениях отказался расстаться с хвостатой собутыльницей и единственной подругой по своей одинокой жизни.

– Ты чё, Сань, куда я без нее? Знаешь, как красное лакает! – мотивировал он свое категорическое решение.

Поскольку хозяйка уехала, Саша оставил кошку у соседа, призвав не губить ее печень.

– Меня бы кто пожалел, – взгрустнул алкоголик и поклялся водки в блюде не наливать, только вина или пива. – Я все понимаю, баба же она, – сказал он.

Дина была хороша уже тем, что не говорила о музыке. Она поддерживала любой разговор, но не заводила своих. Она умела никого собой не тяготить, одухотворенно возилась с

Дашей, много бродила одна и запоем читала на чердаке старые издания русских классиков серии «Школьная библиотека». Асю она обожала. Каждое утро Дина меняла букет в спальне хозяев, ходила на цыпочках и объяснялась жестами, когда Ася спала, на прогулках отгоняла от нее собак палкой и комаров веткой. Саша усмехался и терпел, пока однажды на рассвете не застал ее за чисткой Асиных туфель.

– Мадемуазель Дина принадлежит не только к профессиональным, но и к сексуальным меньшинствам? – осведомился он у жены.

– Вряд ли, – не удивилась вопросу Ася. – Я знаю нескольких ее любовников.

– Бисексуалка? Фетишистка? Занимается твоей обувью. А к тебе пристаёт?

– Конечно же нет, – рассмеялась Ася.

– Тогда оказываемые тебе знаки внимания – это своеобразная плата за кров и стол? – уточнил Саша.

– Ах, вот ты о чем, – перестала морщить высокий лоб Ася. – Дина умеет благодарить словами.

Дальнейшие Асины объяснения муж принял, но не понял, почему духовная близость, христианская любовь и неизбывная детскость должны выражаться таким экстравагантно-услужливым образом.

– Ну, может младшая сестра избавить старшую от каких-то хлопот? – билась с ним Ася. – Дина прекрасно знает, что я в состоянии привести в порядок свои туфли и нарвать ромашек. Она хочет порадовать, приятно удивить. Ей и в голову не приходит играть роль горничной. Да и мне она в этом качестве не видится. Она выражает любовь как умеет. Я забочусь о ней, она – обо мне. Человек делом демонстрирует доброе отношение. Запрещать ей пошло. Ты вслушайся: «Дина, прекрати менять букеты, а то люди думают, будто ты лесбиянка». По-моему, этим людям нужно заняться собой, а не ею.

– Тем не менее со стороны все выглядит... м-м-м... тревожно, – гнул свое упрямый Саша.

– Мы с ней на это все взираем изнутри, – не сдалась Ася. – Если честно, я тоже предпочла бы не защиту от дворняг, а нотную рукопись с посвящением мне, расчудесной. Но, увы, тяну только на то, что получаю.

– Жена, жена, с тобой даже банальной семейной разборкой не потетишься, – упрекнул Саша и отправился купаться.

Постепенно Дину стало покидать умиротворение первых двадцати дней загородной жизни. Она мрачнела, делалась все раздражительнее и грубее. Она перестала ежедневно мыть роскошные светлые волосы, Саше казалось, будто и расчесывать их тоже. Курила много.

– Грусть-тоска ее съедает, – отметил наконец вслух хозяин дачи.

– Да, похоже, долго она у нас не продержится, – согласилась Ася. – Наверное, по роялю соскучилась.

Вечером Дина плакала на крыльце, жаловалась на непонимание и одиночество.

– Скоро ты станешь знаменитой, – отвечала ей Ася, – вокруг тебя будет увиваться множество людей, из которых друзей наберется – замечательно, если двое-трое. Тогда и благословишь сегодняшнюю депрессию. Она по большому счету – покой перед рывком вперед и вверх.

Дина моментально преобразилась.

– Думаешь, у меня получится? – нетерпеливо спросила она.

– Тебе все удастся, – ласково подтвердила Ася.

Дина чмокнула ее в щеку и убежала греть воду для волос.

Даже Сашу, слышавшего разговор, убедил тон жены. Таким не сказки рассказывают, а отчитываются о проделанной работе.

– Действительно способная девочка? – поинтересовался он.

– Представления не имею, я мало смыслю в музыке. Но я была у нее в общежитии, видела, что она злит консерваторских отличниц, слышала, как они упрекали ее в неумении сочинять на заданную тему и нежелании ладить с преподавателями. Еще критиковали за амбициозность, – спокойно поведала Ася. – По-моему, это признаки таланта. Бог знает, что из нее получится, хотя иногда я подозреваю, что творческий человек и для Творца – сюрприз.

– А по-моему, это признаки дурного воспитания и нежелания подчиняться дисциплине, – не согласился с женой Саша. – Встречаются и таланты с такими характерами, и бездарности.

Ася улыбнулась и пожала хрупкими плечами.

Веселости Дины хватило ненадолго. И однажды утром Саша обнаружил на кухонном столе записку, адресованную Асе. Удержаться он не смог – прочитал. В конце концов, потратил на близкое соседство со взбалмошной девицей почти весь свой отпуск. Дина нервным почерком сообщала, что влюбилась в Сашу с первого взгляда, клялась, что не выдала себя ни единым вздохом, умоляла о прощении этого святотатства по отношению к Асе, благодарила за лучший в ее скитальческой жизни отдых и просила не поминать лихом.

Тихо подошедшая босая Ася ознакомилась с эпистолой сбежавшей гостьи через плечо мужа. Он резко обернулся и принялся смущенно оправдываться. Но жена нежно тронула губами его горячую загорелую ключицу:

– Милый, не терзайся, она постоянно влюблена в недоступное, чужое. Не верит, не в состоянии поверить, будто существует хоть что-нибудь, предназначенное специально для нее. Ты считаешь пределом мечтаний девушки, два года спавшей на общежитском полу, дачу, летнее безделье и землянику со сливками вволю. А внутри Дины – двигатель, работающий от непонятости, неразделенности, от всего, что начинается с «не». Ей предложили заправиться здоровьем и счастьем, а она залила полный бак печали и теперь сможет еще какое-то время двигаться к своей цели.

В тот свежий июльский час Саша отчетливо понял, что Ася сама себе враг. Назови она Дину неблагодарной тварью, мелкой пакостницей – и он никогда не догадался бы, насколько был увлечен девушкой.

Через полгода от Дины пришло короткое письмо, в котором она расхваливала свою работу «в экспериментальном московском театре» и описывала себя, окрыленную, обновленную, любящую одного знаменитого мужчину и любимую другим, еще более знаменитым. Письмо заканчивалось бодрым сообщением, что ночует она пока в гримерной на сдвинутых стульях. Саша насупился, Ася расхохоталась.

После истории с Диной количество Асиных контактов с людьми заметно уменьшилось, да и качество их изменилось. Приближалась знаменитая зимняя гроза. Уже и предвестники ее появились. Но кто же тогда мог догадаться, что это – предвестники? Теперь Асю окружали типы, ничегошеньки собой не представлявшие, но упорно что-то творившие. Ни одной сколько-нибудь известной фамилии Саша не услышал и счел своим долгом предостеречь жену от бездарей и неудачников. «Это – заразное», – брезгливо сказал он. Ася кивнула и признала, что мэтров никогда в глаза не видела, но хочет выяснить на доступном материале...

– Что?! – сердито спросил муж.

Она непривычно для него задумалась перед ответом. Он даже подсказал, не обратив внимания на тронувшую ее рот и брови гримасу изумления этой торопливостью:

– Причины успеха или неуспеха выясняешь? В дешевую подделку под творческую лабораторию проникаешь? Оригинальничаешь и стараешься отличаться интересами от подруг?

На большее Сашиного воображения не хватило, и он посоветовал жене присмотреться к собственному мужу, не просто одаренному, но уже признанному архитектору, которого перестали будоражить новизной ощущений выставочные дипломы, даже международные.

– Мне надо понять, почему обычные люди не слишком жалуют людей творческих. Почему их считают ненормальными? Почему за пребывание до пенсии в нищей, скажем, инженерной должности общество готово человека жалеть, а, к примеру, малоизвестного артиста презирать?

– Кто вбил тебе в голову такую чушь? Почему ты ни слова не сказала о таланте? – закашлялся Саша. – И зачем, зачем тебе это?

– Не знаю, – призналась Ася, но растерянности в ее голосе не прозвучало.

Кажется, именно после этого разговора странненькая Сашина жена отправилась к приятельнице, адвокату Лике. И встретила там Виолетту. Та представилась живописцем. Ася недавно до полусмерти оскорбила тем же словом определившего себя мужчину, назвав его художником. Поэтому только кивнула, хотя Виолетта явно ждала подобного оскорбления и была настроена ответить на него. Не дождавшись, она взяла себя в руки и обрадовалась новой слушательнице своего повествования, потому что неудобно было в сотый раз повторять его Лике, а повторить нестерпимо хотелось. По мученическому взгляду приятельницы Ася поняла, что рассказ неудержимо обрастает подробностями, картина пишется на глазах и скоро от натуры в ней останется лишь импульс к вдохновению Виолетты. Поэтому она самоотверженно отпустила хозяйку в кухню и приготовилась отделять зерна от плевел.

Виолетте не было и тридцати, но крайняя худоба, тусклая кожа и вызывающая неухоженность старили ее лет на десять. Зато говорила измученная женщина складно и темными глазами блестела страстно. Год назад в круизе по Волге она познакомилась с пожилой американкой. Старушке нравилось смотреть, как русское дарование этюдничает на палубе, и более тонкого ценителя ее творчества судьба Виолетте еще не подсовывала. Тогда же американка заказала ей картину – ночная набережная, строй фонарей... «Свет всех падает конусами вниз, а одного, среднего, почему-то бьет вверх, в черное небо. И тонкая полосочка заката прощается с дальней кромкой воды», – экс татически прошептала Виолетта. Иностранка взвизгнула от восторга. А Виолетту идея вогнала в транс зыбких видений, и выбралась она из него лишь на родном, надежно заасфальтированном берегу.

Виолетта победно понеслась в Союз художников, где каждого встречного одарила своей радостью и предупредила, что как только на ее имя из Америки, из частной галереи, поступит длинный такой конверт, да будет немедленно ей сообщено, а она пока отправляется неусыпно творить заказанный шедевр. Полотно уже давно сиротствовало в ее тесной квартирке, потому что в компанию других не востребуемостей, в угол за дверью, она его не пускала. А от разбирающейся в настоящей живописи дамы не было ни слуху ни духу. Виолетте сопереживали в официальных кабинетах, дескать, такую славную талантливую девочку обидела дряхлая иноземная гримза, и щедро поили чаем. А ей стыдно было говорить о том, что она отказалась оформлять витрины для двух магазинов, истощила свои небольшие запасы, принялась снова искать халтуру, да ведь на это, бывает, уходит не один месяц. Потом, возможно, заказы прискачут табуном. Особенно если жгучая нужда в них отпадет. Но пока ей отчаянно не везло с работой за деньги. Опять в Виолетте завозились сухие, шершавые, холодные ощущения собственной бездарности и обреченности. Она перестала спать, лишилась аппетита, впрочем, есть ей и так было нечего. Со скомканной бедами душой и прибежала она недавно в Союз. Там какая-то добродетельная секретарша поведала ей, что американка не только отозвалась, но уже подтвердила получение картины одного из пастырей поредевшего стада художников.

– Но откуда он узнал, что ей нужно? – изумилась Виолетта.

– Вы сами всем об этом рассказали, – напомнила женщина.

– А я теперь как?

– Не знаю, как вы, а я вам ничего такого не сообщала, учтите.

– Вы меня не разыгрываете?!

Виолетта недвусмысленно молила, чтобы ее обманули, и обещала прощение. Ибо легче было вынести забывчивость американки, чем вероломство седовласого красавца, угостившего ее на прошлой неделе пустырником и ласково погладившего руку со словами: «Гениальные пальчики». Да, эти пальчики добыли ему доллары и создали повод для самодовольства.

– Клянусь. Какой розыгрыш! Я смотреть не могу, как они над вами месяцами измываются, – тихо произнесла секретарша. И, шумновато сглотнув, добавила: – Извините.

Неделю Виолетта не позволяла своим слезным железам отдыхать. Потом одноклассник порекомендовал ей Лику. Та выслушала клиентку в рабочем кабинете и для дальнейших переговоров пригласила к себе домой. Они уже уточнили последние мелочи, и Виолетта почти успокоилась...

В это время Лика позвала женщин к столу из смежной комнаты. Виолетта поспешила отказаться от обеда. Но хозяйка крикнула:

– Мы с Варюшей уже уселись!

Ася, представления не имея, кто такая Варюша и откуда она взялась, увидела за столом рядом с Ликой бледную невзрачную девочку лет шести.

– Моя дочь, – представила малышку Виолетта. – Мы с ней живем вдвоем.

Ася полагала, что эта сумасшедшая, обеспечивающая собственной доверчивостью вечный праздник мирского зла, отвечает в жизни только за себя. Но, имея ребенка, не бороться со скверной, быть жертвой мошенника? Немыслимо. Она врезалась в лицо живописца в юбке, которая была вообще-то мятыми старенькими брюками, яростно-неуправляемым взглядом.

– Живем вдвоем душа в душу, – улыбнулась Виолетта, по-своему расценив гримасы Аси.

И, словно маленькое ручное зеркальце, повторила материнскую улыбку дочка. «Диккенсовщина какая-то, – подумала Ася. – Голод, любовь, творчество и душа, черт побери, душа, так полноценно и полноправно участвующая в описании героев, будто она рука, нога или голова».

Щи съели молча. Лика принесла жаркое.

– Картошка с мясом?! – воскликнула Виолетта и решительно встала. Следом за ней неуверенно поднялась со стула Варюша. – Мы не можем вас объедать, это слишком дорого.

У Аси затряслись руки.

– Ладно, девочки, садитесь, – успокоила их Лика. – На сладкое будет пирог с повидлом, шоколадные конфеты, а потом взрослые дамы выпьют коньяку. И все в счет моего будущего гонорара, чтобы вам легче жевалось и глоталось.

Виолетта посмотрела на дочь, согласно кивнула и вновь уселась. Варюша повторила ее движения. «Мать безумна», – решила Ася.

– Она абсолютно нормальна, только очень издергана, – возразила ее приятельница, когда они остались вдвоем. – Понимаешь, это норма – верить людям.

– Что же с ней произошло на самом деле? – с сомнением в голосе спросила Ася.

– Кинули самым обычным образом.

– Ну да, и верить нормально, и кидать обычно. Только я не понимаю: американка заказала конкретную картину конкретному художнику. Ей присылают другую, пусть и на ту же тему. Разве это не требует объяснений?

– Не волнуйся, твоей американке все объяснили в изысканных выражениях. Например, уверили, что Виолетта отказалась выполнять заказ, ушла в запой, переехала на Таймыр или

умерла. Потом, имея в виду, даме должна была понравиться и предложенная картина, иначе платить она не стала бы. Кто знает, может, тип из Союза написал лучше, чем удалось бы Виолетте.

– Господи, пусть и лучше. Но ведь это был ее единственный, скорее всего, шанс, чудо, которое раз в жизни материализуется из бреда, из мечты, из снов.

– А она таким шансом поделилась с близкими, – уныло сказала Лика. – И ничего не подделаешь. Эта несчастная толком не запомнила даже фамилии американки. Адреса галереи не спросила, названия ее не записала. В Союзе будут отрицать причастность Виолетты к заказу.

– Так зачем ты-то ее обманываешь? Домой приглашаешь, рану бередишь?

– Я, Асенька, их с дочкой подкармливаю, чтобы не померли с голоду, пока мать не протрезвеет до рутины. Тем временем обязательно подвернется какая-нибудь витрина. И найдется любитель неправильно светящихся фонарей. Подобью нувориша вложить деньги, небольшие кстати, в произведение искусства. Он не прогадает – картина действительно прелесть.

– А твой гонорар?

– Сдеру какую-нибудь ерунду. Иначе она, разжившись деньгами, чего доброго, явится платить за обеды по ресторанным ценам. Сама видела, насколько горда. И права в этом миллион раз. Обижают нас другие, а достоинство свое мы теряем сами. Будто без отобранного материального нам и собственное духовное становится без надобности.

– Ты уже ворчишь, – вздохнула Ася. – И ты богата, поэтому я могла бы посмеяться над твоим мудрствованием. Но твоей профессиональной обязанностью является посещение тюрем. Ты такого насмотрелась и наслушалась! Поэтому я торжественно пожму твою руку прямо тут, у входной двери.

– Ась, ты дала Виолетте домашний номер?

– Конечно.

– Жди, позвонит. Вы с ней чем-то похожи.

Приятельницы простились, и Ася целых десять минут недоумевала, хорошо быть похожей на Виолетту или плохо.

Домой она вернулась совсем больной – ей было жалко Варюшу. Реальность доказывала Асе превосходство мерзкого, проклятушего опыта Киры Петровны образом голодного оборвыша, рожденного не по своей воле одержимой бесом творчества, но неизвестно, отмеченной ли талантом матерью. А опыт этот утверждал: Варюша подрастет, оглядится вокруг, наслушается гадостей про свою семью от сытых и нарядных одноклассников, иззавидует, поразрывается между любовью к Виолетте и тягой к своре ровесников и сделает выбор. Что ждет женщину и девочку, опасно живущих душа в душу, пока младшая не способна к анализу, через десять лет? И этот случай еще не крайность. Пусть избранных мало, но ведь звана же Виолетта. Окончила Суриковское, идей полна голова, американской галеристке понравилась. Но как ей продержаться до следующей удачи? Никакими словами не убедит она дочь в своем праве морить ее голодом. Вот успех, слава, деньги – да, тут слов не надо. И Кира Петровна об этом знает. А Ася знать не желает. Из-за этого и собачатся. Старуха боится, что рано или поздно жена племянника превратится в какую-нибудь Виолетту. Она часто повторяет: «И мы бы аборт не делали, рожали бы, да кормить детей нечем было... И мы бы любимое дело искали, да нищета гнала за куском хлеба себе и детям...» Но Варюшу и Асе жалко. Поделись она впечатлениями с Кирой Петровной, та обязательно ухмыльнется, закатит свои суровые водянистые глаза и приведет к общему знаменателю утонченную художницу и какую-нибудь хамку продавщицу. И ведь существует знаменатель – материнство. Страшно и то, что Кира Петровна не сделает вывода для одной судьбы, а давно его, универсальный, сделала: хватит бабе себя тешить, пусть устраивается работать в ресторан, в сто-

ловку, приворовывает, терпит, но ребенку прокорм обеспечит. Только сначала надо бросить эту дрянь – холсты и краски. То, что Виолетта по восемнадцать часов в сутки пашет скудно унавоженное деньгами оформительское поле, дабы набить холодильник консервами впрок и хоть немного побыть наедине со своими холстами и красками, будет объявлено дуростью. И уточнение последует: «Поэтому и надо сначала бросить...»

Ася поняла бы, говори так женщина, продравшаяся через тернии к власти или богатству.

Но Кира Петровна, накормившая, одевшая и воспитавшая сына по собственным канонам, потеряла его. Не случись в ее жизни мягкого Саши, она голодала бы, подобно Виолетте. В конце концов, художница была лет на сорок моложе! Так имеет ли старуха право осуждать? Ей, чтобы повернуть рок к лесу задом, к себе передом, надо было, видите ли, родиться мужчиной! А Виолетта свой пол не хулит. Кира Петровна утверждает, что все всегда делала правильно и хорошо, обвиняя в своей нынешней никчемности людей и мироустройство. Интересно, художница в убогой старости будет клясть давно к тому времени покойного обидчика из Союза? Или к тому времени их наберется сотня, как у Киры Петровны? Будет ненавидеть сам Союз художников? Годы, в которые удосужилась появиться на свет? И чем тогда она отличается от Сашиной тетки?

Ася поняла, что вот-вот заблудится в безответных вопросах. Стоит ли? Кира Петровна и Виолетта случайно повстречались в ее воображении, их нужно быстренько снова развести и из суеверного страха перед неприятными сюрпризами не вспоминать вместе. И вдруг последний вопрос робкой осенней бабочкой опустился на вянущее Асино настроение: «А что станет со мной?» Бабочка сложила крылышки, демонстрируя некрасивые темные их стороны, и замерла, вероятно надолго.

* * *

Но Виолетта, невольно столкнувшая Асю с твердыни покоя в топь беспокойства, сама же ее обратно и втащила. Она позвонила дня через три:

– Ася, мне хотелось бы вас увидеть. Приходите к моей подруге, если вы не против общения со мной. Нет-нет, это удобно. О, замечательно. Я почему-то знала, что вы не откажетесь.

Она продиктовала адрес шикарного дома в центре. Ася удивилась и быстро собралась. Кира Петровна, помнится, безропотно осталась с подростковой Дашей, и Асе было легко, если не весело. Несколько раз она с мужем забредала к его сослуживцу в невероятно просторную квартиру, помнила перечень весьма обеспеченных и высокопоставленных соседей и увлеченно гадала, с кем может дружить Виолетта. Ни в одном из трех подъездов нужного номера она не нашла. И, лишь попытав игравших во дворе детей, была направлена на узкие неудобные ступени, круто стремившиеся ниже уровня асфальта, к растрескавшейся бетонной площадке и облупленной двери, похоже бывшей дворницкой. Звонка не было. Ася постучала и, увидев на пороге Виолетту, перевела дух.

Как же отличалась эта нора от верхних хором. Чей-то великолепный паркетный пол возлежал на неровном потолке полуподвала – над ниточкой длинного мрачного коридора, двумя крохотными комнатками и еще одной, казавшейся большой лишь по сравнению с первыми. И над кухонькой без окон, где единственный стол поместился между плитой и раковиной явно вымоленным у Бога чудом, а готовящий на этой плите человек обречен был стоять в коридоре. После такого парализующего контраста подруга Виолетты уже ничем не могла поразить Асю. Однако поразила.

Она была очень хрупкой. И светлой всем – кожей, волосами, глазами, одеждой. Ей исполнилось семьдесят пять лет. Ася взглянула на Виолетту уважительно и недоуменно:

старенькую светлость можно было считать наставницей или объектом тимуровской помощи, но никак не подругой. Но, представляя хозяйку гостье, Виолетта снова подчеркнула:

– Марта Павловна, художник-график, мой чудесный друг.

Обилие слов мужского рода заставило Асю подумать о Кире Петровне и несколько принужденно заулыбаться. Она протянула Марте Павловне торт, шампанское и цветы. А та воскликнула:

– Не нужно, что вы, это так дорого!

Виолетта посмотрела на Асю укоризненно и расстроилась лицом, но гостье рядом с обеими женщинами вдруг стало так хорошо, как с родными в момент воспоминаний о детских шалостях, и вышвыривать принесенное в форточку, лишь бы они успокоились, она не собиралась.

– У меня сегодня день рождения, – вдохновенно соврала Ася. – Знакомых полон город, а отметить не с кем. Ваше приглашение вывело меня из депрессии.

Замолчав, лгунья ощутила какое-то гнусавое, ноющее недовольство собой: слишком предопределенной, мистической выглядела их сегодняшняя встреча в таком обосновании. Но мимические морщины на лбу художниц доверчиво разгладились, будто натруженные ладони сострадания прошли по живой коже.

– Бывает, – сказала Марта Павловна самым обычным женским голосом, но Ася и его восприняла как мягкий и чистый. – Грустить вам не запретишь, а вот немного забыться мы поможем, являясь для вас чем-то новеньким и случайным.

– Я бы хотела каждый свой день рождения отмечать с новыми людьми, – воодушевленно подхватила Виолетта. – В этом что-то есть...

– Во всем, даже в компании старых приятелей что-то есть, – улыбнулась Марта Павловна. – Идите в комнату, располагайтесь, я тут похлопочу пару минут.

Они долго-долго разговаривали в тот вечер. Возникшая откуда-то к чаю Варюша уже давно спала в постели Марты Павловны, и остатки торта были припрятаны для нее в облезлый холодильник. Трижды ставили чайник. Хозяйка принесла масло, Виолетта достала из своей сумки батон. Они тонко смазали по кусочку, припорошили сверху чуточкой сахарного песка и привычно ели, запивая несладким чаем. Ася не смогла бы так питаться день за днем много лет подряд. А сохранившей идеальную фигуру Марте, видимо, приходилось. Ася не заснула бы на жестком пружинном диване, не усидела бы на расшатанных венских стульях. В трех комнатах всего-то и мебели скучало: диван, железная кровать, два стола – обеденный и письменный, четыре стула, два табурета и тяжелый, с помутневшим зеркалом платяной шкаф тысяча девятьсот тридцать девятого года выпуска. Не только штор, но и карнизов для них не было. Не было люстр и настольных ламп, ковров, паласов и дорожек. Телевизора не было. Пустота и чистота сожительствовавали в этом доме с Мартой Павловной. Но картонные папки с работами от огромных, вызывающих у непосвященных оторопь до маленьких, школьных, подпирали стены, лежали на полу и на подоконниках. Множество книг и альбомов с репродукциями колоннами в половину человеческого роста стояли по углам. Ася видела такое впервые. У нее были молодые неустроенные приятели-художники, но в их пристанищах всегда находилось что-то необычное – огородное пугало в хозяйских обносках, свеча в два обхвата со сложной резьбой, занавески из линялых головных платков, даже покрывало из разномастного нижнего белья. Ася осторожно сказала об этом.

– Я уже давненько так не развлекаюсь, – поняливо закивала Марта Павловна. – А внучки мои грешат подобным образом вовсю. Да ведь к ним молодежь заходит.

– Внучки? – автоматически озираясь, переспросила Ася, которая почему-то решила, что художница одинока и Виолетта с Варюшей – единственное утешение достойной старости. Гостью по-настоящему разобрало любопытство, и она попросила: – Марта Павловна, представьте, пожалуйста, свою автобиографию неумной полуночнице.

Похоже, хозяйка не забыла, что обещала помочь гостю забыться. И принялась бесстрастно рассказывать, разрешив бесцеремонно прервать себя, когда надоест.

– Я выполняю вашу волю, Ася, развлекаю собственным былым, чтобы знали, к кому вас однажды занесла судьба в день рождения. Думы опускаю. И если нашим отношениям суждено продолжиться, мы больше не станем возвращаться к моему прошлому. Во-первых, у вас есть свое. Во-вторых, у нас с вами есть настоящее.

«А я испугалась, что вы будете потчевать меня сухарями памятных вам дат и событий постоянно», – чистосердечно ответствовала Ася, правда не вслух.

Марта Павловна родилась в большом уральском селе в семье учительницы и ветеринара. Дяди со стороны матери были священниками, со стороны отца – военными. После такого начала Ася взволновалась и какое-то время была не в состоянии слышать Марту Павловну. Ибо Кира Петровна родилась крестьянкой в соседнем селе всего на четыре месяца позже Марты Павловны. Не будь этого удивительного совпадения, Асе в голову не пришло бы сравнивать старух. Но, настроившись на сопоставление, она уже не могла расслабленно, пропуская половину мимо ушей, внимать хозяйке. Ту, кажется, удивило выражение отчаянной заинтересованности, возникшее вдруг на лице госты, но она не изменила тона. А Ася вовсю заработала головой. И, слыша, что мать Марты желала развивать в своих не очень сытых дочерях дарования, отмечала про себя, что мать Киры хотела только накормить своих девочек. И той и другой было трудно – город питала и одевала голодная, босая и голая деревня, хоть земледелием и скотоводством в ней занимайся, хоть учительствуй и ветеринарствуй. Но сестра Марты Павловны отлично играла на рояле и стала врачом – жизнь заставила. А сестра Киры Петровны была самой сообразительной из шестерых детей и осталась в деревне выхаживать телят – времени на учебу не хватило. Замужество Киры Петровны и распределение после окончания заочного педагогического техникума Марты Павловны почти одновременно привело их в чужой, переполненный непонятными деревенским девушкам комплексами город. Марта сразу поступила в художественное училище и принялась упоенно образовываться. Кира, не стеснясь своей «темноты», тоскуя по аду огородничества, устроилась принимать телеграммы на почту. Вообще-то она закончила восьмилетку, а в городе муж через друзей за бутылку выправил ей аттестат вечерней школы. Но она не видела смысла в учении. Война отняла молодых мужей у обеих. Кира ухитрилась выйти замуж вторично и родила мальчика. Марта Павловна осталась вдовой с сыном и связывать себя новым браком не захотела. А может, не смогла. Асе, когда речь шла о состоявшихся жизнях, причины итогов не казались важными. Как бы то ни было, поднимать ребенка Марте Павловне пришлось одной. Она с утра до ночи пропадала в реставрационной мастерской и была вынуждена отказаться от любимой живописи, требующей естественного освещения, и заняться графикой.

– Жалко, – посочувствовала Ася.

– До сих пор жалко, – не стала бодриться художница. – Но в те времена людям и не таким приходилось жертвовать. И знаете, никому не удалось надуть судьбу, снеся в ее ломбард что-то лишнее или ненужное. Нет, она платила хлебом только за последнее и самое ценное.

Марта Павловна осваивала самовыражение посредством графики под тусклой голой лампочкой. Мучилась, плакала, но потом привыкла. Она вновь одержимо училась и преуспела.

– Обидно-то как, – теряла в порыве сострадания остатки такта Ася, которая вовсе не была уверена, что преуспеванием здесь пахнет. Да, оно пахнет икрой, хорошими духами, натуральной кожей и так далее. Но не сообщать же общеизвестного старой нищей труженице – поздно.

– Ничего, – утешила ее Марта Павловна. – Я знала парня, приспособившегося писать при свете материнской лампадки. Он такую оригинальную манеру выработал! Сейчас знаменитый французский художник.

«Ой, а она в курсе, что такое преуспеть», – изумленно подумала Ася.

Сын Марты Павловны стал скульптором, женился, вырастил двух дочерей. Младшую приняли в художественное училище в тот год, когда старшую из него выпустили с красным дипломом. Марта Павловна не поленилась разыскать в одной из папок тощую газетку, которую собственноручно художественно оформляла первая внучка. И продемонстрировала Асе райских птиц на черном бархате – произведение второй – очень мило и доходно.

– Боюсь, они слишком растрачиваются на эти поделки и их продажу. Но девчонкам хочется есть и модно одеваться. И я молчу, – объяснила Марта Павловна.

Девочки жили с родителями в усадьбе-музее, где работала искусствоведом их мать, однако обе так часто ночевали у бабушки, что даже не просились перебраться к ней совсем. Или к здешнему простору еще не привыкли.

– К чему, простите? – усомнилась в остроте собственного слуха Ася.

– К простору, – терпеливо повторила Марта Павловна.

Оказалось, что ей всегда принадлежала лишь одна комната. В двух остальных жила некогда большая семья, которая на глазах соседки непреклонно уменьшалась из-за пристрастия к алкоголю. И если рассматривать алкоголизм как род медленного самоубийства, то они своего добились: год назад умер последний пропойца, как ни странно, самый старший. Квартира осталась за Мартой Павловной – сын хлопотал.

Творила она в мастерской, предоставленной еще в советские времена Союзом художников. Вела пару каких-то семинаров. Летом ездила на велосипеде. Зимой ходила на лыжах. Не так давно ей оперировали правый глаз – катаракта. Наклоняться после выписки из больницы врачи запретили, но она, неумная в движении и самостоятельная, могла запросто забыться и свести на нет все их старания. Поэтому Марта Павловна соорудила себе шапочку с колокольчиком на лбу, предупреждающим звоном, что она увлеклась уборкой. Художница современно одевалась, удобно обувалась, завивала волосы и не молодилась за скудный счет губной помады и пудры.

Со временем, привыкнув к ней, Ася все-таки долго не могла оправиться от изумления. Она полагала, что беднее Киры Петровны старух не существует. Но Сашина тетка по сравнению с Мартой Павловной оказалась богачкой – ей было что приватизировать. И она, и муж когда-то получили по однокомнатной квартире и, сойдясь, обменяли их на трехкомнатную. Рухлядь, вроде той, что притворялась мебелью у художницы, выбросили еще году в семьдесят пятом. И купили стол, шкаф и стенку темной полировки, которые благодаря аккуратности Киры Петровны до сих пор казались вчера распакованными. У Сашиной тетушки ковры покрывали добротный линолеум в каждой комнате, а самый большой и яркий красовался на стене зала. У нее были телевизор и радиоприемник. Ася знала, что Кира Петровна никогда не съела вкусного, да и просто дарующего сытость куска, годами берегла одну юбку и наловчилась виртуозно латать блузки и белье. За свою жизнь в городе она износила всего две кроличьих шубы и четыре шали. Она ссорилась с мужем за всякую пропитую им копейку и часто бывала бита. Она действительно кошмарно жила. И твердила о своих тяготах и горестях ежедневно. Она пребывала в готовности превозносить героическое деяние покупки «лакированного шифоньера» в любое время дня и ночи. Фантастика, но то, что она выдержала коллективизацию, войну, дважды вдовство и уход сына, подвигом в ее представлении не являлось. В сущности, Кира Петровна занудой не была. Ей просто хотелось услышать в ответ: «Вы – образец для подражания». И безо всякой скромности согласиться. Иногда ее до слез обижала та легкость, с которой «обставлялись» Саша с Асей.

– Не копите ни на что. Значит, и беречь ничего не сумеете, – скрипела не признающая узды достатка старуха.

Поверить в то, что племянник зарабатывает достаточно для себя и семьи, она не могла.

Жестковатая внутренне Ася не пыталась баловать Киру Петровну дифирамбами. Вернее, несколько раз пробовала радовать неуступчивую бабку. Побыв сносной пять минут, та потом неделями придиралась к Асе, уча одному и тому же, приводя в тысячный раз одни и те же осточертевшие примеры. Будто, сказав доброе слово, признав заслуги смирения и терпения, жена племянника разрешила делать с собой что угодно. Ася уже наизусть знала ее историю, у нее зубы ощутимо ныли, когда Кира Петровна заговаривала.

– Давайте сменим тему, – просила Ася. – Ради всего святого, начнем хоть о соседях судачить. Мы с вами в первые полгода знакомства исчерпали воспоминания полностью. Обижайтесь не обижайтесь, но ведь несколько лет прошло, я не могу так больше.

– Не можешь? А о чем ты часами треплешься со своими бабами! – возмущалась Кира Петровна. – Уважить старушку, словечком перекинуться она не желает.

– Я не отказываюсь с вами общаться, – доказывала строптивце Ася. – Я только прошу разнообразить темы наших бесед. Жизнь, между прочим, продолжается. Неужели вы не заметили?

– Для тебя продолжается, – насупилась Кира Петровна. – А я, как на пенсию вышла и овдовела, так будто в колодце утопилась.

– Я не в состоянии вас спасти, – взбесилась Ася. – И перестаньте трясти перед моим носом оружием возраста, это нервирует. Ничего такого особенного с вами не произошло. Были молоды, зрелы, постарели. Да, в мерзкую эпоху. Но все ваши ровесники жили в ней. И со мной это случится, и с Сашей, и с Дашей. К сожалению, вы первая в очереди на избавление от мира. И чем себя подбадриваете? «Бывает, и молодые умирают, а старики живут». Ваши слова. Вы меня до помешательства доведете. Я по вашей милости истерически боюсь старости. Не смерти, а именно старости. Ну не виновата я в том, что родилась позже вас.

– Правильно, сейчас тебе только бы и жить припеваючи. А ты вместо этого...

И вновь из Киры Петровны лились нравоучения. Ее любимым занятием была арифметика. Она азартно подсчитывала пачки кофе и чая, изведенные на гнусную потребу наглых визитеров Аси, умножала на цены и дрожащим голосом сообщала, сколько одежды можно было купить на «сожранные бесстыдниками деньги». Причем винила не их, кто же откажется от халявы, но расточительную хозяйку. Она стонала от жалости к «заезженному Сашеньке».

– Не мешайте ему полноценно жить, он не умеет скопидомничать, – одергивала ее Ася. Затем грубо и прямо спрашивала: – Что вам купить?

– Мне ничего не нужно.

– И я могу поить людей чаем, у меня все есть.

– Ой, не все, ой, не все, – алчно шептала Кира Петровна.

В такие минуты Ася просто убегала от нее. Когда она примеряла обновы, тетка без стука входила в комнату и критиковала их за самобытность. Напоминала, что сама отродясь не отставала от барахолочной моды: «Что люди носили, то и у меня было, хоть год отголодаю, но куплю». Лицо у нее при этом было как у ребенка возле витрины с игрушками – плаксивое, завистливое и грустное. Асе жалко ее становилось до горловых спазмов. Она старалась поскорее сделать вредной старухе подарок, но угодить ей было трудно. Обычно вещи передавались Даше: «Вырастешь, наденешь». Ася сердилась. Кира Петровна тосковала.

– Она мечтает сменить меня на посту получательницы твоих денег, чтобы развернуться, – сказала однажды Ася мужу.

– Только не это! Она нас голодом уморит. Посадит на хлеб и воду, заплатит за квартиру, а остальное отложит на черный день, будто сегодняшний – белый. Я когда-то был на мели и

попросил ее выписать пару газет. В долг, разумеется. Ты вообразить не в состоянии, как она орала! Помню, у ребят занял. А она потом эту прессу прочитывала от названия до адреса редакции, – засмеялся Саша.

Ася ничего смешного в Кире Петровне не находила, но признавала Сашино право защищаться от теткиной несносности по-своему. Предположить, что он не защищается, а просто смеется, ей не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.